

## КНЯЗЕВ Л. М. — в МПКК

*КНЯЗЕВ Леонид Михайлович, родился в 1851. В 1872 — окончил Императорское училище правоведения, служил следователем, товарищем прокурора, прокурором в Витебске и Варшаве. С 1896 — губернатор Тобольска, с 1901 — Вологды, с 1902 — Костромы, с июля 1910 — генерал-губернатор Иркутска, с февраля 1916 — член Государственного Совета. С октября 1917 — проживал с женой в Костроме, продавая последние вещи. 24 апреля 1923 — арестован за «контрреволюционную деятельность в царское время», в мае отправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму.*

*В июне 1923 — обратился с "Докладной запиской" в Московский Политический Красный Крест.*

<5 июня 1923>

### «ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

содержащегося под стражей,  
камера 81, 19 кор<идор> Бутырской тюрьмы

### ЛЕОНИДА МИХАЙЛОВИЧА КНЯЗЕВА

24 Апреля с<его> г<ода> я был арестован по распоряжению Костромской Чрезвычайной Комиссии в г<ороде> Костроме, где я с женой проживал с 1-го окт<ября> 1917 г<ода>, будучи всему городу известен, как бывший в 1902-1905 г<одах> Костромским губернатором. Никаких с чьей-либо стороны на себя нареканий не вызывал и безнедоимочно платил все виды налогов, что на мой бездоходный с осени 1917 года бюджет ложилось тяжким бременем, вызывая продажу самых необходимых домашних вещей. Причин ареста мне объявлено не было, но, судя по вопросам, мне при аресте предложенным, я могу сделать одно заключение, что арест мой связывается с имевшим в октябре 1905 года, в бытность мою еще Костромским губернатором, случае избиения базарной толпой учащейся молодежи, демонстрировавшей на Сусанинской площади, а также с известным расстрелом Ленских рабочих в апреле 1912 года, в бытность мою Иркутским генерал-губернатором.

Избиение на Сусанинской площади не было заранее организованным, и предупреждено мерами малочисленной Костромской полицией не могло быть, так как полиции со стороны демонстрантов не было дано знать о намерении собраться для демонстрации на Сусанинской площади, день для этого был выбран неудачным, так как был большой базар, на который съехалось много крестьян, в общем не сочувствовавшим демонстрантам и к тому же к этому времени успевшим напиться, многие допьяна. Речь одного из демонстрантов на памятнике Сусанину, в которой, между прочим, говорилось о ненужности царской власти, вызвала злобу одного из крестьян, который сшиб оратора с пьедестала памятника, а весьма легкомысленный выстрел в воздух, сделанный каким-то учеником, был сигналом, привлечшим всю публику к месту происшествия, и началась дикая расправа над молодежью. Тотчас же городской голова Ботников, случайно проезжавший мимо, приехал ко мне, и я немедленно с ним же приехал на площадь, где лично оттаскивал жертвы из рук крестьян, грозивших уже разгромом и поджогом дома, в котором скрывались демонстранты. Вызванная мною рота солдат оцепила дом и заградила прилегающие к площади улицы, так что буйство было локализовано и в течение не более двух часов прекращено. Жертвами стал один юноша-семинарист, убитый, и несколько девушек, избитых до крови, из числа которых, конечно, многие удостоверяют, что благодаря моему лишь заступничеству они избегли больших насилий. Форменное

пальто мое было испачкано в крови жертв, которым я помогал. Что касается Ленского события, то к несчастному случаю расстрела я совершенно не причастен. Вызванный по делам службы в Петербург, я во второй половине февраля 1912 года выехал из Иркутска в то время, когда о Ленской забастовке не было еще и речи. Началась она, сколько помню, 27-го февраля, о ней я узнал уже на 2-3 день моего приезда в Петербург от представителя Ленского Товарищества, заявившего мне, что на место выезжает главный управляющий Белозеров и местный правительственный инспектор-инженер Тульчинский, что сколько-нибудь угрожающего характера забастовка, протекавшая до конца в полном порядке даже после расстрела, не имела, и руководство действиями чинов жандармского корпуса принял лично директор Департамента Белецкий, действовавший, как стало мне известно по возвращению моем в 1-х числах мая в Иркутск, помимо Иркутского губернатора, пользовавшему по закону в отсутствие Генерал-Губернатора края полнотою власти Губернатора в губерниях, управляемых по общему губ<ернскому> положению. Этим ограничусь поневоле моим объяснением по предполагаемым пунктам обвинения, так как, помещаясь в камере, переполненной арестованными, без стола и скамеек и без письменных принадлежностей, я не могу составить сколько-нибудь полную записку по этому делу, исследованному к тому же подробно сенатором Манухиным в составе Комиссии, ревизионная записка которой очевидно имеется в распоряжении советской власти. Скажу лишь, что, вступивши в управление обширным краем в конце сентября 1919 года и отвлеченный последовательно работой по борьбе с чумой, с большой силой перекинутой с границы в Забайкальскую область, затем обзором отдаленных каторжных тюрем, строящейся Амурской дорогой в пределах Генерал-Губернатора трудом каторжных, строящейся Енисейской губернии перевальной через Саянский хребет горной грунтовой дорогой, которой правительство придавало особое значение экономическое и стратегическое и возложило на мою ответственность, я только на навигационный период 1912 года мог назначить поездку в Ленский золотопромышленный район, о положении которого в делах Генерал-Губернатора я не нашел сведений, которые требовали бы моего немедленного в первую очередь действия. Но может быть причиной моего ареста только голый факт занятия мною более 20-ти лет администраций должностей. Тогда какое же возможно оправдание.

Но если, как надеюсь, это обстоятельство может мне инкриминировано только в том случае, если занимая эти должности, я превышал свою власть, выказывал себя, как человек с отрицательной стороны или являясь теперь чем-нибудь опасным в существующем государственном строе<sup>1</sup> <...> Л. М. Князев»<sup>2</sup>.

*Леонид Михайлович Князев, благодаря ходатайству Помполита, был освобожден из тюрьмы.*

---

<sup>1</sup> Далее подробно описывается биография и его деятельность до революции.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 58. С. 12-13. С автографа — машинопись.